

*Посвящается моим родителям,
которые всегда напоминали,
что я смогу добиться всего,
если поверю в себя.
И Дэвиду и Николасу,
которые каждый день доказывают,
что дом — то место,
где мое сердце бьется сильнее.*

Глава 1

*Лондон, Англия
1817 год*

Мэтью Стратмор, граф Уиттингем, изучал кусочки пазла, разбросанные по столу красного дерева, стоящему рядом с окнами его кабинета. Оконные переплеты по моде того времени были узкими.

Пазл в виде карты мира требовал всего его внимания и умения. Довольно хмыкнув, он закончил очередную часть и потянулся к кусочку, что мог оказаться как Сицилией, так и Сардинией, но тут в дверь постучали.

— Войдите.

— Милорд, к вам визитер.

Однако у стоящего в дверном проеме дворецкого в руках не было обычного серебряного подносика.

— Спасибо, Спенсер. Посетитель дал вам визитную карточку?

— Не дал. И не назвал своего имени.

— В таком случае у меня нет времени.

Граф придвинул к себе прислоненную к столу трость и оглядел стол, намереваясь еще какое-то время пособирать пазл, прежде чем сосредоточиться на более важных делах.

— Милорд?

Тон Спенсера заставил графа повернуть голову и с любопытством посмотреть на дворецкого:

— Да?

— Джентльмен попросил показать это, на случай, если вы откажетесь его принять.

Слуга шагнул вперед. На обтянутой перчаткой ладони лежал замшевый мешочек.

— Какого черта?!

Уиттингем выхватил мешочек у дворецкого и высыпал на стол его содержимое. У него мгновенно перехватило дыхание, настолько резко, что он даже не услышал зловещего звона часов в коридоре: слишком огромна была нахлынувшая на него волна воспоминаний.

— Немедленно пригласите его.

Дворецкий поспешно направился к двери.

— Поторопитесь, Спенсер, прежде чем джентльмен уйдет.

Уиттингем, хоть и с трудом, но успел взять себя в руки, прежде чем в кабинет вошел герцог Скарсдейл. При виде его губы графа раздвинулись в дьявольской улыбке. Уиттингем радостно заключил друга в крепкие объятия.

— Скарсдейл! Глазам не могу поверить.

Джентльмены разомкнули объятия, пожали друг другу руки, и десять лет разлуки испарились, будто их не было и в помине.

— Я тоже. Тебе лучше других известно, как я презираю этот город.

Это было напоминание о событиях, из-за которых Ландену Бекфорду, третьему герцогу Скарсдейлу пришлось уехать из Англии как можно дальше. Но Уиттингем решил не позволять воспоминанию омрачить встречу. Он был очень рад видеть старого друга и, невзирая на то, как относилось общество к необъяснимой добровольной ссылке Скарсдейла, не питал к нему неприязни или обиды.

Несколько секунд оба молчали. Потом Мэтью потянулся к лежавшим на столе карманным часам, сунул их в замшевый мешочек и с грустным вздохом отдал его другу.

— Спасибо.

В единственном слове прозвучало столько невысказанного!

Ланден положил часы в карман.

Мэтью оперся о стол и подбородком сделал другу знак садиться.

— Бренди? Или ты отрекся от этого яда? — спросил он, глянув в сторону шкафчика со спиртным. — Во время нашей последней встречи ты был мертвецки пьян.

— Не смотри на меня так. Тогда ты тоже был не в себе, — кивнул Ланден. — Кроме того, не ожидал же ты, что я утону в бутылке и буду оставаться на дне все десять лет?

Усевшись поудобнее, он окинул взглядом сначала левую ногу Мэтью, потом трость.

— У меня все в порядке, знаешь ли.

Мэтью не желал вдаваться в подробности, да герцог и не думал расспрашивать.

— Итак, почему ты вернулся?

— Поверенный передал мне герцогский титул и все наследство после смерти брата. Но Дуглас прибавил к завещанию чертово условие касательно его городского дома. Я сдавал его с тех пор, как покинул Лондон, но арендатор что-то натворил, и я больше не мог ждать, когда поверенные уладят неприятности. Хочу продать дом и навсегда распрощаться с этим городом.

— С помощью поверенного ты, несомненно, сумеешь все решить, тем более что сейчас находишься здесь.

Мэтью направился к шкафчику с выпивкой.

— Возможно, у твоего брата имелась особая причина, заставившая его поставить такое условие. Я часто о нем думаю. Дуглас был хорошим человеком.

— Был.

Ланден коснулся пальцами кармана, где лежал замшевый мешочек.

Мэтью не хотелось воскрешать воспоминания о мертвых, и потому между друзьями на какое-то время воцарилось глубокое, тяжелое молчание.

— Итак, чем я могу помочь? Тебе негде жить?

Держа в одной руке бокал с бренди, в другой — трость, он уселся за стол.

— Приглашаю жить у меня, сколько захочешь или сколько понадобится. Буду рад компании.

Ланден наблюдал за жизнерадостным, как всегда, другом, и его терзало давно, казалось бы, забытое воспоминание. Он мог ненавидеть этот город, но каким бы добровольным ни было его уединение, ему не хватало общения с друзьями. Много лет он отклонял любые предложения, присылаемые в его загородное поместье, пока несколько еще остававшихся у него друзей не перестали требовать его присутствия. И в этом не было ничьей вины. Он дал понять, что не желает иметь ничего общего с высшим светом. Как только его дела с банком будут завершены, он собирался вернуться в Бекфорд-Холл и продолжать вести существование отшельника.

— Мне действительно нужно где-то жить. Спасибо. Чертовски трудная задача — держаться в тени, но надеюсь, получится.

Городской дом Уиттингема находился на Кливленд-роу, рядом с Пэлл-Мэлл: не настолько тихое место, какое предпочел бы сам герцог, но иного выбора не было.

— Сделай мне одолжение: никому не говори о моем появлении, — попросил Ланден.

— Заметано. Я предупрежу слуг. Им необязательно знать твое имя и цель приезда.

Мэтью откинулся на спинку стула, и Ландену на кратчайшее мгновение показалось, что он различил на его лице тень ухмылки.

— Возможно, и ты сделаешь ответное одолжение.

Друг даже в детстве отличался проницательным умом. Ланден не смог бы отказать ему ни в чем, ведь Мэтью получил пулю в ногу, защищая его честь.

— Конечно. Только скажи, что именно я должен сделать.

Мэтью ответил короткой улыбкой:

— Превосходно. Позволь объяснить: мои родители удалились в Лейквью. Отец временами задыхается, а городской воздух чересчур густ и влажен. Они видели десятки сезонов и больше не желают появляться в обществе. Особенно потому, что здоровье отца уже не то, что прежде. Поэтому они попросили меня найти мужа Амелии.

— Амелия.

Ланден много лет не думал об Амелии, своевольной малышке, в характере которой было больше уксуса, чем сахара. Зато природа наделила ее поразительно зелеными глазами. Глазами, способными настолько заморозить мужчину, что бедняга даже не поймет, что она ударила его коленом в пах, пока нижнюю часть его тела не пронзит жестокая боль.

— Как мило, — пробормотал герцог, откашлявшись, хотя внутренний голос просто вопил: — Удачи тебе!

— Никого не удивляет, что моя сестра вовсе не намерена покорно идти под венец. Мы с ней словно вода

и масло. Так было всегда, и подозреваю, что она противится моим попыткам отдать ее замуж только затем, чтобы мне досадить. Тем временем матушка желает получить результаты и волнуется, что отцу не обрести покоя, пока он не увидит Амелию пристроенной.

Оба собеседника чувствовали себя неловко. Ланден провел ладонью по щеке в попытке облегчить внезапно возникшее напряжение.

— Что я должен делать?

В голове возник второй, панический вопрос, но он его не озвучил.

«Неужели Мэтью попросит меня жениться на Амелии?»

Но этого просто быть не может! Весь Лондон самого что ни на есть плохого о нем мнения. Ни один мужчина не захочет иметь зятем отщепенца.

Последовало невыносимое молчание. Наконец Мэтью ответил:

— Помоги мне. Я в отчаянии. Найди ей мужа и уговори ее согласиться. Мне нужно выдать Амелию замуж и благополучно от нее отделаться. Чем скорее, тем лучше. Жизнь достаточно сложна и без выходов Амелии.

— Как, по-твоему, мне удастся это сделать и остаться незамеченным? Меня не было десять лет, все в городе думают обо мне худшее. Как только в обществе пронюхают, что я вернулся...

В груди что-то сжалось при воспоминании о том, как учтивые соболезнования после безвременной кончины брата превратились в завуалированный допрос об обстоятельствах несчастного случая, а позже преобразились в возмутительные вопросы и открытые обвинения самого низкого пошиба.

— Я не прошу тебя сопровождать ее на бал, — заверил Мэтью, спеша успокоить друга, — просто помоги

ей понять, что она ведет заведомо проигрышную битву. Амелии необходимо выйти замуж, и хотя я не уверен, что она настроена против самой этой идеи, все же она возражает против любого джентльмена, который уделяет ей внимание. Повлияй на нее. Когда мы были детьми, она прислушивалась к каждому твоему слову.

— Но сейчас все мы выросли, и я не видел ее много лет.

Ланден сомневался, что сможет как-то помочь в выполнении плана Мэтью.

— Ты просишь меня, негодяя, пользующегося печальной славой и подозреваемого в тайном сговоре с целью убийства, каким-то образом оставаться на заднем плане и одновременно совершить маленькое чудо?

— Я всегда считал тебя нестигаемым, — расплылся в улыбке Мэтью.

— Дурацкое мнение.

Ланден снова заерзал.

— Я не собирался чересчур долго оставаться в городе.

— Таковы мои условия. Прими или откажись.

Мэтью встал и сделал несколько шагов: его хромота была постоянным напоминанием о героизме, за который он заплатил слишком большую цену.

— Кроме того, если поработаешь головой, сумеешь легко решить проблему, и все только выиграют от этого.

Эта фраза, повлекшая за собой воспоминание о ситуации, в которой прозвучали похожие слова, эхом отдалась в пустой груди Ландена, и он сглотнул, пытаясь убрать комок в горле. Мэтью был одним из немногих друзей, не отвернувшихся от него после того, как всем стали известны некоторые детали, касавшиеся смерти

Дугласа. Насколько трудно будет помочь его сестре выйти замуж? Он как можно скорее поведет ее к алтарю с первым же мужчиной, сделавшим предложение, а затем займется личными планами.

— Согласен.

Ланден глубоко вздохнул и протянул руку для крепкого рукопожатия.

Мэтью с большей ловкостью, чем прежде, обошел письменный стол и порылся в бумагах, разбросанных по затянутой фетром поверхности.

— Матушка составила для меня список... Уверен, что это поможет.

— Блестяще. Список кандидатов значительно облегчит дело.

Дурное предчувствие Ландена ослабло. Возможно, он волнуется из-за пустяков.

— Не кандидатов, — от души рассмеялся Мэтью. — Будь все так легко, я бы сам занялся замужеством Амелии. А вот и список.

Он вытащил лист бумаги из длинного ящика.

— Тут перечислены качества, которые матушка считает необходимыми для будущего зятя. Видимо, она полагала, что я выдам Амелию замуж за первого же, кто сделает предложение, после чего буду считать свой долг исполненным, — насмешливо произнес он. — Как мало она в меня верит! Так или иначе, вот он.

Ланден с трепетом взял бумагу, наскоро пробежал глазами, после чего сложил и спрятал в левый нагрудный карман жилета.

— Что-то еще?

— Всего лишь мысль. Когда будешь рассматривать кандидатов, следует избегать лорда Трента. Он неисправим. В прошлом месяце Амелия подожгла ему промежность.

— Прошу прощения?

Нижняя часть тела Ландена произвольно напряглась, а сам он заерзал на стуле. Снова!

Выражение лица Мэтью становилось то веселым, то раздраженным.

— Недавно мы посетили званый ужин, на котором я намеревался выполнить план матери и посредством сложнейших манипуляций поменять место Амелии за столом на то, что было рядом с лордом Трентом. Он не только всеми уважаемый пэр, но еще и умело управляет поместьем и редко бывает не в форме. Идеальный кандидат.

Немного передохнув, Мэтью продолжил:

— Временами моя сестра может быть очаровательной, и я надеялся, что она увлечется молодым графом, поскольку большинство других леди преклоняются перед ним.

Ужин проходил прекрасно, по крайней мере, я так считал, и разговор зашел о светских новостях. Я был в восторге. Судьба, как видно, улыбалась мне. Но к сожалению, Трент, по-видимому, в приступе временного помешательства, который я и сейчас не могу объяснить, заметил, что женщинам достались все преимущества брака, тогда как мужчины обречены на роль подкаблучников. Амелия тут же вскочила с таким яростным видом, что опрокинула серебряный канделябр в центре стола, уронив при этом на колени лорда Трента шесть горящих свечей. Хорошо, что я молниеносно среагировал, загасив пламя содержимым графина для воды, в противном случае у бедняги не осталось бы надежды обзавестись наследниками.

Ланден откашлялся. Дважды.

— Нечего и говорить, что я вычеркнул его из списка. — Мэтью повернулся к столу, где лежали сотни

кусочков разобранного пазла: — Только необыкновенный мужчина оценит безрассудно смелый нрав Амелии.

— Ты так это называешь? — Ланден тоже подошел к столу и окинул взглядом разбросанные кусочки: — Кого еще я должен избегать?

— Лордов Райли и Ленокса.

Мэтью прибавил кусочек к Атлантическому океану на краю нового континента:

— Кажется, это все.

— Как разумно с твоей стороны было свалить на меня эту проблему, ведь сам ты, видимо, считаешь ее неразрешимой.

Ланден наблюдал, как друг последовательно добавляет еще три кусочка, образующих короткий отрезок границы Египта. Египет... вот место далеко от мучительных воспоминаний, возродившихся в Лондоне, и от дурацкого предприятия, за осуществление которого он взялся. Пазл предлагал мириады возможностей ухода от действительности.

— Ты уж постарайся. Амелия отвергает все мои предложения. Она даже не дает себе труда их рассмотреть, и все лишь потому, что я ее брат. Противоречит мне на каждом шагу.

— Может, стоит рассказать ей, что именно ты придумал этот макиавеллиевский план? Если она до сих пор сохранила острый ум, она вскоре сама без труда докопается до истины.

— Оставляю Амелию в твоих надежных руках. Тебе я доверяю. Ты мне как брат.

Выбор слов был явно неудачен, и досада на лице Мэтью подтверждала, что он сожалеет о сказанном, но намерения его были добрыми. Ланден не хотел, чтобы друг раскаивался.

— Проводи меня в мои комнаты, прежде чем я передумаю и сбегу из дома.

Не дожидаясь ответа, Ланден решительно направился к выходу.

Глава 2

Вскинув подбородок и вертя в пальцах ручку розового шелкового зонтика, Амелия Стратмор направлялась по тротуару к дому своей лучшей подруги. Компаньонка тащилась следом, рассматривая трепетавшие на ветру ленты капора Амелии. Добравшись до жилища леди Шарлотты Дириг, Амелия открыла железные кованые ворота и зашагала к крыльцу по выложенной песчаником дорожке. Слава богу, после недавнего замужества Шарлотта не переехала слишком далеко от дома Амелии.

Амелия пропала бы без их утреннего ритуала, прогулки к Сент-Джеймс-сквер, где подруги садились на мраморную скамью и обменивались секретами, прежде чем вернуться по той же дороге, по которой пришли. Иногда они кормили голубей, читали стихи или наблюдали за прохожими, но неизменно беседовали о сердечных делах. Амелия рассказывала о беспорядочных попытках брата выдать ее замуж, тогда как Шарлотта жаловалась на несчастную жизнь женщины, пойманной в узы брака по расчету, в то время как она жаждала истинной любви.

Амелия отпустила молоток и стала ждать: дворецкий привык к ее частым визитам. Вскоре дамы, строго соблюдая обычай, взяли за руки и вышли на улицу. Компаньонки плелись сзади.